

Таким образом, обращение к античному наследию расширяло человеческие и творческие горизонты Я.Ивашкевича, будучи стабильным, стимулировало художественный процесс. Античность открывала польскому писателю большие возможности – приобщала к общечеловеческим, вечным вопросам и проблемам, к традициям мировой культуры, выводя за рамки национальной, способствуя разработке концепции единства европейской культуры. Наконец, обращение к античному наследию помогало поэту глубже постигнуть современность, способствовало выработке основной системы ценностей.

Список литературы

1. Przybylski R. Eros i Tanatos. Proza Iwaszkiewicza. 1916–1938. – Warszawa, 1970.
2. Gronczewski A. Jarosław Iwaszkiewicz. – Warszawa, 1972.
3. Kwiatkowski J. Poezja Jarosława Iwaszkiewicza na tle dwudziestolecia międzywojennego. – Warszawa, 1975.
4. Loch E. Antyk w twórczości J.Iwaszkiewicza // O twórczości J.Iwaszkiewicza. – Warszawa, 1982.
5. Iwaszkiewicz J. Książka moich wspomnień. – Kraków, 1957. – S.32.
6. Iwaszkiewicz J. Podróże do Włoch. – Warszawa, 1977. – S.98.
7. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения. – М., 1991. – Т.1. – С.34.
8. Свасьян К. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения. – М., 1991. – Т.2. – С.776.

Т.В.Данилович (Минск)

НОВОЗАВЕТНАЯ ТЕМА ОТРЕЧЕНИЯ И РАСКАЯНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ А.А.ТАРКОВСКОГО

Библейский пласт – важнейшая составляющая поэзии А.А.Тарковского. К культурным кодам Библии поэт обращается на протяжении всего творческого пути.

В стихотворении «Просыпается тело...» в качестве одного из объектов художественного воплощения А.Тарковский избирает образ апостола Петра. В фокусе внимания поэта оказывается история отречения и раскаяния ученика Христа.

А.Тарковского интересует не заранее спланированное (модель поведения Иуды), а «невольное», не входившее в планы преднамеренное предательство. Ведь до суда над Христом Петру никто не подозревает в себе способность отречься от любимого учителя.

В поле зрения художника – моральный выбор человека под страхом последующей расправы. Для А.Тарковского оказывается актуальной дилемма не «совесть – алчность, корыстный расчет» (Иуда), а «совесть – угроза жизни, смерть».

Образ Петра поэт психологизирует. В интерпретации А.Тарковского отречение апостола оборачивается для ученика Христа крестной мукой, нескончаемыми угрызаниями совести, лишаящими его покоя и внутреннего равновесия.

Узловым элементом образной системы стихотворения, оттеняющим душевное состояние Петра, становится образ петуха – аллюзия на библейский петушиний крик во время троекратного отречения Петра [Мф. 26, 74–75]. Крик петуха выводит Петра из состояния оцепенения, пробуждает память о пророчестве Христа, заставляя раскаиваться и страдать.

В восприятии поэта, каждое новое утро, оглашаемое кукареканьем петухов, для Петра – очередное напоминание о проявленной слабости и малодушии, очередное мучительное прокручивание сцены собственного отречения и очередной толчок к внутренним терзаниям:

Но чужда до предела,
Крик петухов
Сел стаг на кровати,
Заскрипела кровать [2].

Библейский контекст жизни Петра обозначен в произведении посредством фразы «Было так при Пилате» [2]. Упоминание имени прокуратора Иудеи Понтия Пилата вносит дополнительные нюансы в смысловую канву стихотворения.

Как и Петр, Пилат оказывается в ситуации морального выбора по отношению к Иисусу Христу. Будучи убежден в невиновности Христа, римский наместник по решению иудеев отправляет Божьего Сына на смерть. Пилат, как и Петр, переступает через себя, действует вразрез с собственными представлениями о сущности происходящего. И так же, как и ученик Христа, прокуратор стремится отстраниться от трагических событий жизни Божьего Сына, быть непричастным к ним [Мф. 27, 24].

У Пилата так же, как и у Петра в истории с Христом инстинкт самосохранения, стремление оградить себя от возможных неприятностей перевешивает благородные душевные порывы. Обоим героям выпадает несколько шансов изменить линию своего поведения (трижды разные люди заявляют о принадлежности Петра к числу учеников Христа, тем самым трижды побуждая апостола к ответу. Дважды судьба Иисуса оказывается в руках Пилата: во время первого допроса и после возвращения Христа от Ирода [Лк. 23]). Таким образом, дважды прокуратор Иудеи получает возможность поступить по совести, принять решение, не перекладывая это на плечи других), но и апостол, и римский наместник под давлением страха выбирают личную безопасность. Высочайшие нравственные качества, праведность Божьего Сына усиливают груз вины невольных участников происшедшего.

Включение в произведение образа Пилата вводит в семантическое поле стихотворения мысль о «неодинокости» Петра в его поступках и ощущениях. Отречение ученика Христа, его моральный выбор в траги-

ческий момент жизни, с точки зрения поэта, оказывается скорее правилом, чем исключением.

Если две первые строфы произведения обращены к началу нашей эры, то в последующих четверостишиях стихотворения осуществляется переход от ретроспективного плана к современности. Перекидным мостиком между двумя временными пластами становится последняя фраза второй строфы: «Что теперь вспоминать?» [2]

Содержание данного риторического вопроса предполагает последующее развитие мысли о неактуальности для современников поэта обыгрываемой в начале произведения библейской темы. Однако во второй части стихотворения А. Тарковский сам словно бы вживается в образ отрекшегося апостола, начиная «горевать за Петра» [2]. Переживания лирического героя («И какая досада // Сердце точит с утра?» [2]) оказываются сходными со страданиями апостола.

Перекликаются не только «эпизоды» раскаяния, но и предшествующие этому обстоятельства и ощущения героев стихотворения.

Согласно Библии, для Петра Иисус – самое близкое и дорогое существо. И ученик Христа неоднократно проявляет свою преданность, уважение и любовь к учителю. Так, во время Тайной Вечери Петр протестует против того, чтобы Иисус, как раб, омывал ему ноги, тем самым унижая себя [Ин. 13, 6]. Апостол стремится защитить Христа во время ареста, отрубив ухо рабу первосвященника [Ин. 18, 10]. Петр – единственный из учеников, кто не побоялся пойти за арестованным Христом во двор первосвященника [Мф. 26, 58] и т. д.

Иисус отвечает Петру взаимным расположением и выделяет его среди своих учеников. Именно на него как на одного из ближайших сподвижников Христос возлагает миссию главного проповедника своих учеников: «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» [Мф. 16, 18]. И тем, что этому апостолу Божий Сын вручает ключи Царства Небесного, символизирующие врата рая и ада, «силу отпускать грехи и отлучать от Церкви» [3, с. 426].

Дружеская симпатия, духовная близость, характеризирующие отношения Христа и Петра, еще сильнее оттеняют недопустимость отречения апостола.

Точно так же собственные неблагоприятные поступки для лирического героя тем особенно и страшны, что совершаются по отношению к самым близким и любимым людям, которые для него «дороже, // всех желаннее» [2].

В момент опасности, под страхом быть схваченным и разделить участь Христа, Петр, отрекаясь от учителя, действует как в бреду или в полусне, впадая в беспамятство, напрочь забывая о собственных уверениях в преданности Иисусу и его предсказаниях об отречении.

Сходную трудноуправляемость, неподконтрольность разуму действий лирического героя в экстремальных ситуациях А. Тарковский пе-

редает, используя мотив сновидения: «В эту ночь – от кого же // Я отрекся во сне?» [2]. Сон становится для поэта метафорой оцепенения, стрессового состояния, неполной ясности рассудка человека в критических обстоятельствах. Образ ночи в контексте стихотворения превращается в символ жизненных тупики и тяжелых испытаний, выпадающих на долю человека. Такую семантическую направленность звучания образа задает и библейский фон стихотворения. Ведь именно ночью Иисуса заключили под стражу. И именно на исходе ночи Петр отрекается от Христа.

Если ночная тема ассоциируется у А. Тарковского с торжеством зла, временем «успления» совести, умопомрачения, то утро воспринимается художником как символ внутреннего пробуждения, обострения совести, истины в человеке, как знак душевного раскаяния и очищения.

Проводя параллель между чувствами и поступками библейского Петра и лирического героя – современника поэта, А. Тарковский констатирует факт неизменности человеческой сущности. В любые времена в трудные моменты жизни людям часто свойственно проявлять слабость, не решаясь идти на сделку с совестью, отрекаться от прежних убеждений, предавать близких, а затем раскаиваться и сожалеть о случившемся.

В финале стихотворения художник абстрагируется от истории Петра и событий жизни лирического героя. Взгляд поэта обращается на каждого человека в отдельности и на человечество в целом:

Крик идет петушинный
В первой утренней мгле
Через горы – долины
По широкой земле [2].

В этой строфе частное «перетекает» во всеобщее, временное во вневременное. Христианские морально-этические нормы и ценности приобретают для поэта значение непреложного закона, вечной истины.

Подобно колоколу Дж. Донна, петушиный крик у А. Тарковского вызывает к каждому, призывая всех без исключения «встрепенуться», заглянуть в глубь своей души. Предутреннее кукареку звучит в стихотворении как напоминание о моментах собственной слабости, отступничества и отречения от дорогих и близких людей и одновременно как сигнал к раскаянию. А покаянию в христианской концепции отводится роль одного из семи таинств – «актов дарования благодати» [3, с. 505], «способов низведения Божественной благодати на человека, ищущего этой благодати» [1, с. 264].

Используя библейские коды, А. Тарковский обращается к теме, особенно значимой для России как для страны, несколькими поколениями граждан которой в XX веке выпало жить в эпоху доносов на близких и знакомых, публичных отречений от родственников – «врагов народа», забвения и отстранения друзей от тех, кто подвергался гонению и осуждению властей.

Список литературы

1. Поселянин Е. Идеалы христианской жизни. – СПб.: САТИСЪ, 1994.
2. Тарковский А. А. Избранное. – Смоленск: Русич, 2000. – С.393.
3. Холл Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1996.

Г.Ч.Мазько (Гродна)

РЭЛІГІЙНАЯ СІМВОЛІКА ў РАМАНЕ У. КАРАТКЕВІЧА
«ХРЫСТОС ПРЫЗЯМЛІўСЯ ў ГАРОДНІ»

Вялікая роля ў станаўленьні еўрапейскай цывілізацыі належыць хрысьціянству. Аднак яго месца ў сучаснай культуры неадназначнае. З аднаго боку, гэта рэлігійнае вучэнне з адпаведным светапоглядам, культурам, этасам, інстытуцыямі. З другога боку, хрысьціянства стварыла цэлую сістэму сімвалаў, якія сталі неад'емнай часткай архетыпічнага ладу не толькі рэлігійнай, але і свецкай культуры.

У беларускай літаратуры ХХ стагоддзя найбольш поўна і трывала рэлігійны сімвалізм выкарыстоўваў у сваёй творчасці У.Караткевіч. З яго дапамогай пісьменнік раскрываў маральны свет сваіх герояў, паказваў іх вартасці і недахопы. Сярод іншых твораў У.Караткевіча асабліва вылучаецца раман «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні», які цалкам прасякнуты эвангельскімі алегорыямі.

Гаворачы аб рэлігійным сімвалізме ў рамане, трэба адзначыць, што прадстаўлены ён у творы ў трох якасцях. Можна выявіць паралельную прысутнасць наступных архетыпічных груп: уласна хрысьціянскія архетыпы; архетыпы, якія ўяўляюць своеасаблівы сінтэз хрысьціянскага і язычніцкага сімвалізму (назваем іх апакрыфічнымі); архетыпы ўласна паганскія.

Першыняства ў рамане належыць хрысьціянскім архетыпам, якія несць асноўную сімвалічную нагрузку твора. Аб гэтым сведчыць першую чаргу сама назва твора – «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні», якая ўказвае на другое прышэсце Хрыста. Згодна хрысьціянскаму дагматызму, калі Бог выгнаў зграшны Адама і Еву з Эдэму, Ён абяцаў прыслаць іхнім нашчадкам Збавіцеля – Месію, які вызваліць людзей ад рахоў.

Найбольш поўна вучэнне аб Месіі ў дахрысціянскія часы было распрацавана старажытнаўрэйскімі прарокамі Іераміям, Малах'яй, Ісайяй. Згодна ім, з'явіцца збавіцель, які будзе народжаны ад Дзевы і з'явіць «народ Божы». Паводле хрысціянскай дактрыны, гэтым Збавіцелем стаў Ісус, Сын Божы.

Сюжэт рамана, яго героі – усё нясе на сабе адбітак хрысціянскай архетыпінасці. Вобразы Юрася Братчыка-Хрыста, яго сяброў-апосталаў, народа, уладаў, царкоўнікаў-фарысееў характарызуюцца і цалкам раскрываюцца дзякуючы хрысціянскім сімвалам. Адбываецца своеасабліва праекцыя эвангельскай гісторыі на рэальнасць сярэднявечнай Беларусі, і гісторыя гэта паўтараецца амаль поўнасьцю.

Калі яўрэі чакалі прышэсця Месіі, дык яны спадзяваліся, што аб ягоным з'яўленьні абвясціць нехта з вялікіх прарокаў старажытнасці. Многія з іх лічылі, што гэта будзе прарок Іллія. У Евангеллях вестку аб хуткім прышэсці Сына Божлага нясе Ізраілю Ян Хрысціцель, якога эвангелісты называюць «голас гукаючага ў пустэльні» (Мц., 3.3; Мк., 1.3; Лк., 3.4; Ін., 1.23).

У рамане Караткевіча прадвеснікам з'яўлення Юрася Братчыка і яго сяброў з'яўляецца гарадскі прарок Іллюк. Вось як апісвае яго аўтар: «Здаравенны, звераваты чалавечына ў шкурах і скураным поясе на палову жывата. Грыва валасоў жалённыя вочы, сківіцы, што маглі б растрэшчыць і камень» [1]. Выгляд Іллюка вельмі падобны да іканаграфіі Яна Хрысціцеля. Нечым падобныя і словы, якія гучаць з яго вуснаў: «Але прыйдзе, прыйдзе муж нейкі і вызваліць вас! Блізка! Блізка! Блізка!» (29); «Ідзе! Ідзе! Ужо ідзе Хрыстос!» (54). Аднак на гэтым падабенства і скончваецца. «Прадвесца» Юрася Братчыка-Хрыста, нягледзячы на ўжыванне выразў яўрэйскіх прарокаў, не Ян Хрысціцель. Пра яго нельга сказаць, што сваімі выразамі нагадвае Ісаю, а жыццём – Ілію. Гродзенскі прадвесца не выступае, як Іллюк прататып, супраць уладаў, не будзе раскрываць іх грахі, а скорыцца перад імі, будзе прарочыць тое, што патрэбна ўладам.

Жыццё Юрася Братчыка як Хрыста пачынаецца ў рамане з прароцтваў Іллюка і скончваецца крыжам. Праз увесь гэты шлях «месіянаства» яго супраджае хрысціянская сімволіка. Найперш, гэта яго з'яўленне ў Гародні ў ачапленні дванаццаці актораў, перапрапанутых у апосталаў для ўдзелу ў містэрый. Далейшы шлях Братчыка, яго «цуды» і ўчынкі – усё працягнута хрысціянскім сімвалізмам. Да таго ж, аўтар вельмі ўдала будзе сюжэт рамана, уплываючы ў яго тэкст эвангельскія прытчы. Гэта і спакушэнне праз нячыстага (у адрозненне ад Евангелляў у рамане роллю д'ябла выконвае кардынал Лотр), і «ўваскрашэнне» п'янага Лазара, і «выздараўленне» сляпых, і ўратаванне Магдалены ад пабіцця каменнем, і выгнанне гандляроў з храма, і многія іншыя.

Аднак Братчык-Хрыстос у адрозненне ад Сына Божлага не гіне на крыжы. Яго ратуюць прыхільнікі. І гэта заканамерна, бо раман – не проста пераказ эвангельскіх гісторый, але самастойны твор. Яго галоўны герой хоць і выступае ў якасці сімвала Месіі-збавіцеля народа, аднак яго сімвалізм адрозніваецца ад новазапаветнага. Так, калі Хрыстос паўстае перад намі як Месія-Пастыр, дык былы мірскі шкаляр абірае шлях Месіі-ваіра. Ён узначальвае барацьбу свайго народа супраць татарскага набегу, супраць несправядлівасці і гвалту, што твораць моцныя гэтага свету. І гэты выбар заканамерна вызначае канцоўку рамана: «А сейбіты падымліся на вяршыню круглага пагорка, як на вяршыню зямнога шара. І першым ішоў насустрач нізкаму сонцу Хрыстос, мерна размахваючы рукамі. І, гатовае да новага жыцця, падала зерне ў цёплую, мяккую зямлю. [...] Выйшаў сейбіт сеяць на нівы свая» (490).

Поруч з сімвалам Хрыста-Месіі у рамане сустракаем і другія хрысціянскія сімвалы. У першую чаргу, гэта вобразы «апосталаў». Іх, як і ў